

А.Н. Чумаков
A.N. Chumakov

**АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНСТРУМЕНТ
АВТОРСКОЙ СТИЛИСТИКИ М.М. ПРИШВИНА (НА ПРИМЕРЕ
МЕТАФОРИЗИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТКАНЕЙ И
ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ, А ТАКЖЕ УКРАШЕНИЙ И АКСЕССУАРОВ)**

**ARTIFACT METAPHOR AS A LINGUISTIC MEAN OF M.M. PRISHVIN
AUTHOR'S STYLE (USING THE EXAMPLE OF METAPHORIZED
NAMES OF FABRICS AND PRODUCTS MADE FROM THEM, AS WELL
AS JEWELRY AND ACCESSORIES)**

В статье проанализирована такая важная часть стилистической системы М.М. Пришвина, как артефактная метафорика. Интерес к описанию и осмыслению сфер бытия и установление посредством тропоцентричности текста их внутреннего единства, образная и стилистическая свобода становятся для Пришвина основами авторской метафоры, лексико-семантическая репрезентация которой является одним из самых ярких признаков индивидуального языка писателя. Метафорическая система художественных произведений и дневников Пришвина представляет собой единство, состоящее из пяти сегментов, разделенных на тематические группы и подгруппы. Лексико-семантическое пространство артефактного сегмента (11 тематических групп, 440 лексем) становится самым активным источником метафоризации в творчестве Пришвина, а самой многочисленной тематической группой является ТГ «Номинации тканей и изделий из них (одежды, обуви, головных уборов, предметов быта), а также украшений и аксессуаров». Природный мир и человек в творчестве Пришвина взаимосвязаны, в основе метафоризации артефактной лексики, как правило, лежит антропометричность, что обусловлено естественным стремлением автора в рамках художественного поиска опираться на сформировавшиеся стандарты восприятия. Если в узусе артефактная метафора встречается нечасто, то в пришвинской стилистике, напротив, активно метафоризируется данная лексика, развивая традиционные образные параллели и создавая авторские. Описывая красоту русской природы, Пришвин создает из лексем, наименоющих украшения, неожиданные образы с мелиоративной оценочной окраской. Для авторской стилистики характерно создание живых и даже полусказочных персонажей из мира природы через метафоризацию наименований изделий из тканей: одежды, головных уборов, предметов домашнего обихода. Писатель, который на протяжении всей жизни разрабатывал собственную онтологию и аксиологию творчества, использует для размышлений, в том числе, метафоризацию лексем, связанных тканями и трудом мастериц. Метафора в пришвинской

стилистической и идейной системе становится одним из важнейших инструментов, с помощью которого описывается и осмысливается живая и неживая природа, материальная и духовная культура, а также феномен творчества.

Ключевые слова: творчество М.М. Пришвина, авторская метафорическая система, индивидуальная стилистика, антропометричность, артефактная метафора.

The article analyzes such an important part of M.M. Prishvin's stylistic system as artifact metaphor. The interest in describing and comprehending the spheres of being and the establishment of their inner unity through the tropocentricity of the text, figurative and stylistic freedom become for Prishvin the foundations of the author's metaphor, the lexical and semantic representation of which is one of the most striking signs of the writer's individual language. The metaphorical system of Prishvin's literary work and diaries is a unity consisting of five segments divided into thematic groups and subgroups. The lexical and semantic space of the artifact segment (11 thematic groups, 440 lexemes) becomes the most active source of metaphorization in the work of M.M. Prishvin, and the most numerous thematic group is the TG "Nominations of fabrics and products made from them (clothing, shoes, hats, household items), as well as jewelry and accessories." The natural world and the little man in Prishvin's work are interconnected, the metaphorization of artifact vocabulary is usually based on anthropometricity, which is due to the author's natural desire to rely on established standards of perception within the framework of an artistic search. If the artifact metaphor is rare in the usage, then in the Prishvin's style, on the contrary, this vocabulary is actively metaphorized, developing traditional figurative analogy and creating authorial ones. Russian nature's beauty is described by Prishvin, who creates unexpected images with ameliorative evaluative coloring from the lexemes naming jewelry. The author's style is characterized by the creation of living and even semi-mysterious characters from the natural world through the metaphorization of the names of fabric products: clothing, hats, household items. The writer, who throughout his life has developed his own ontology and axiology of creativity, uses for reflection, among other things, the metaphorization of lexemes connected by fabrics and the work of masters. Metaphor in the Prishvin's stylistic and ideological system becomes one of the most important means with which to describe and comprehend living and lifeless nature, material and spiritual culture, as well as the phenomenon of creativity.

Key words: the work of M.M. Prishvin, the author's metaphorical system, individual style, anthropometricity, an artifact metaphor.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-60-1-80-86

Творчество М.М. Пришвина справедливо признается важной частью русской литературы XX века. Корпус произведений писателя представляет собой художественно-языковой феномен, в котором на основе метафоризации осуществляется синтез всех бытийных сфер. Интерес к описанию и осмыслению сфер бытия и установление посредством тропоцентричности текста их внутреннего единства, а также тесная связь с русским фольклором и литературной традицией становятся для Пришвина основами метафорической образности, лексико-семантическая репрезентация которой является одним из самых существенных признаков идиостиля писателя.

Справедливо утверждение З.Я. Холодовой о «взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя, в которой отчетливо проявилась доминирующая черта художественного мышления Пришвина – синтетизм, сказавшийся в произведениях разных жанров, где синтезированы фактологическая точность, глубокий проникновенный лиризм, мифологизм, яркий поэтический стиль» [11, 55], который, на наш взгляд, во многом основывается на метафоризации.

Метафорическое пространство, созданное в прозаических и дневниковых произведениях Пришвина, мы разделяем на сегменты – части, каждая из которых отражает одну из сфер авторского восприятия и осмысления мироздания и характеризуется концептуально-тематическим единством. Сегментирование художественного мира Пришвина, безусловно, отражает традиционные сферы национальной картины мира, отличаясь тем не менее неповторимой авторской спецификой.

Общая схема описания сегмента метафорического образа мира такова:

- 1) определение концептуально-тематической отнесенности сегмента, его лексического и семантического объема и границ;
- 2) систематизация репрезентантов сегмента, их распределение по тематическим группам (подгруппам);
- 3) анализ семантики репрезентантов, их интерпретация в аспекте значимости для рассматриваемого сегмента и метафорического образа мира в целом;
- 4) анализ специфики метафорической рефлексии писателя во взаимосвязи с его художественной философией, их соотнесение с узусом, общекультурными канонами и национальной концептосферой.

Метафорическая система индивидуального языка и стиля Пришвина имеет сложный иерархический характер и представляет структуру, состоящую из пяти сегментов, разделенных на тематические группы и подгруппы. Космологический сегмент становится пространством, где, раскрывая семо-коннотативный потенциал языка, закладываются субстанциональные основы различных направлений авторской художественной философии. В пределах натуроморфного сегмента осуществляется характеристика личности человека, оценка его духовной и интеллектуальной жизни. Антропоморфная метафора позволяет писателю наделить космос и природный мир человеческими качествами, осмыслить диалектическую сущность человеческой личности и судьбы. Инструментом объединения социального и природного миров выступает социоморфная метафора, позволяющая описать экосистему по аналогии с социумом, сняв при этом напряжение противостояния между ними. Природа и человек подчинены общим законам творческого самопреобразования, самосовершенствования, раскрываемым через авторскую тропеическую систему. Метафорика артефактного сегмента позволяет увидеть весь мир как общее жилище, в котором постоянно происходит процесс творения. Мир артефактов сакрализуется, становясь источником метафорического осмысления природы, человека и общества.

Именно пространство артефактного сегмента становится самым активным источником метафорической экспансии в творчестве Пришвина и представлено следующими 11 тематическими группами (самой многочисленной из которых является ТГ 3 «Номинации тканей и изделий из них (одежды, обуви, головных уборов, предметов быта), а также украшений и аксессуаров»).

ТГ 1 – общее название артефакта, его части или совокупности артефактов (24 лексемы).

ТГ 2 – номинации, обозначающие сооружение и его части (78 лексем).

ТГ 3 – номинации тканей и изделий из них (одежды, обуви, головных уборов, предметов быта), а также украшений и аксессуаров (86 лексем).

ТГ 4 – номинации пищевых продуктов и их частей, блюд, напитков, лекарств, ингредиентов (33 лексемы).

ТГ 5 – номинации, связанные с торгово-денежными отношениями (9 лексем).

ТГ 6 – номинации мебели, предметов интерьера, домашней утвари, посуды (47 лексем).

ТГ 7 – номинации веществ, изготовленных человеком; механизмов, инструментов, приспособлений, приборов, производимых ими действий, их частей и состояний (85 лексем).

ТГ 8 – номинации, связанные с сельскохозяйственной, военной и охотничьей деятельностью человека (23 лексемы).

ТГ 9 – номинации транспортных средств (8 лексем).

ТГ 10 – номинации продуктов интеллектуальной деятельности человека: системных знаков, символов, научных понятий; видов, жанров и произведений искусства; предметов для занятий искусством, наукой (44 лексемы).

ТГ 11 – номинации, связанные с богослужением, религиозными обрядами (3 лексемы).

Исследователи языковой метафоры отмечают непродуктивность лексики, номинирующей артефакты: «в узусе метафоризируется относительно небольшое количество ЛСВ-номинаций артефактов, в этом отношении язык оказывается необыкновенно консервативным» [3, 35]. Пришвин, напротив, активно использует данную лексику, развивая традиционные образные параллели и создавая авторские метафорические переносы. Следует отметить стилистическую смелость писателя в использовании номинаций, мало подвергающихся метафоризации как в узусе, так и в художественной литературе: *Оставим юности писать на своих **векселях** недостижимые идеалы [6, т. 8, 184];* *Ведь у писателя все, что каждый человек должен держать про себя, составляет главный материал, душу его дела: его «про себя» должно стать всеобщим достоянием. Чем больше писатель, тем в книге его больше этого «про себя» – **валюты** всей вещи [6, т. 5, 91];* ***Чан** истории [6, т. 8, 331];* *Весь мир – **магазин** для ответов, успевай только ставить вопросы [6, т. 2, 419];* *Звук исходит из разных источников, но **мембрана** одна, и эта **мембрана** есть родина [6, т. 7, 220];* *Ветер-звонарь заиграл на своей лесной **колокольне** [6, т. 7, 429].*

Более того, говоря об артефактной метафоре, надо отметить, что Пришвин свободно метафоризирует лексемы, появление которых связано с эпохой индустриализации, с развитием науки, техники и производства в СССР. Основной мотивационной закономерностью метафоризации номинаций современных писателю изобретений, инструментов, механизмов, приборов является перенос на основе сходства функциональных свойств компонентов метафоры для описания состояния человека или животного: *Вы тоскуете о лесе, этом **аккумуляторе** человеческих чувств, связанных с косностью [6, т. 4, 633];* *От звезды к звезде, от созвездия к созвездию я проводил свои **антенны**, и мне кажется, получал какие-то небесные вести [6, т. 4, 269];* *Сейчас входит хозяйская кошечка, и вдруг на нее Ромка (пес)... Сила его **взрыва** была так велика, что железная тяжелая двуспальная кровать, за которую он был привязан, отъехала до половины комнаты... Да огромный запас **взрывчатых веществ** таится в Ромке [6, т. 7, 22];* *Тогда, пересмотрев записанное, открываешь в нем **горючее** и сам загораешься [6, т. 8, 283];* *Жизнь духовная продвигается вперед не на **зубчик**, не на два, а сразу одним поворотом рычага на всю **зубчатку** [6, т. 8, 366];* *Для художника советское хозяйство есть просто точка опоры **экскаватора** слов,*

образов, понятий, всякого рода находок в самородках, россыпях, случайных соединениях, при всевозможном освещении [6, т. 4, 431]; Пауки двигались в неведомый мир, стоя на воде, как мы на земле: каждый паук на своих длинных коленчатых ногах стоял на воде, как мы, спускаясь и поднимаясь, стоим в метро на лесенке эскалатора, и их несло... Все пауки... расставились... босыми ногами на своем водяном холодном эскалаторе [6, т. 6, 339].

Остановимся более подробно на анализе метафоризации номинаций тканей и изделий из них (одежды, обуви, головных уборов, предметов быта), а также украшений и аксессуаров. Состав данной лексической группы включает 86 лексем, из которых некоторые образуют дериватные минигруппы: бархат, бисер, бисеринка, бисерок, бриллиант, бусинка, бусы, веер, веревка, веревочка, воротник, вуаль, галстук, галстучек, гамак, завеса, заплата, знамя, зонтик, жемчуг, катушка, клубок, ковер, кружево, кулиса, лента, лоскутик, лоскуток, маска, мешок, мешочек, наперсток, наряд, нитка, ниточка, нить, одежда, одеяло, одеяльце, одеяние, ожерелье, оторочка, очки, парус, панталоны, перина, перстень, петелька, платочек, платьице, подстилка, подушечка, подушка, покров, покрывало, полог, пояс, простыня, ремешок, рубашечка, рубашка, рукав, саван, сарафан, скатерть, сорочка, ткань, тканье, узел, узелок, фартук, флаг, халат, холст, часы, чепчик, чулок, шапка, шапочка, шинель, ширма, шлейф, штаны, шуба, щеточка, юбка.

В творчестве Пришвина традиционно выделяют метафорическую модель «природа – это дом», где природа не отделена от человека, ее бытие и бытие человека не противостоят друг другу, а, наоборот, стремятся к объединению и взаимовлиянию. Природа описывается как здание, как организованное определенным образом пространство через метафоризацию таких знаковых для Пришвина лексем, как: дворец, этажи, окна, кладовая и др.

Непосредственно наименования тканей практически не метафоризируются, исключение составляет лексема «бархат»: *Черный бархат ила* [6, т. 5, 381]. Но писатель, который понимал природу как родной для себя дом, метафорически «оснащает» ее привычными для человека предметами быта, создающими уют, дарящими покой и отдых: *По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи как перина: это вышло оттого, что воде между полосками было хорошо стекать... В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать* [6, т. 5, 92]; *По голубому в серых парусах корабликами проходили обрывки, дымки и всякие остатки разорванного ночного одеяла* [6, т. 7, 381]; *Начинает чуть-чуть приподниматься край серого одеяла с востока, и... не понять, как сложится утро* [6, т. 2, 441]; *Белым одеялом тумана* [6, т. 5, 107].

В основе метафоры как лингвистического и лингвофилософского феномена лежат принципы антропоцентричности и антропометричности, что обусловливается естественным для человека стремлением определять все новое по привычным ему образцам, по своему образу и подобию, опираясь на имеющийся опыт, на сформировавшиеся стандарты восприятия. «Наиболее характерные свойства метафоры, а именно: ее образность, отбор в процессе интеракции признаков, релевантных для создания гносеологического образа отображаемой ею действительности, ориентация на фактор адресата — на его способность разгадать метафору не только интеллектуально, но также оценивая обозначаемое и образ, лежащий в ее основе, эмоционально воспринимая этот образ и соотнося его со шкалой эмотивно-положительных или отрицательных реакций, детерминированных национально-культурными и вербально-образными ассоциациями, — все эти свойства несут в себе антропометричность»

[8, 193]. И для пришвинской стилистики характерно создание живых, очеловеченных и при этом полусказочных образов через метафоризацию наименований изделий из различных тканевых материалов, одежды, головных уборов: *Солнце, разгораясь, скинуло свою первую красную рубашку* [6, т. 2, 242]; *Всюду прыгали молодые деревья, сбрасывали с себя белые шапочки и белые простыни (о снеге)* [6, т. 4, 303]; *Мухомор... спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны, и даже со складочками* [6, т. 7, 94]. Часто одушевление природы происходит через «одевание» растений и животных в человеческую одежду, причем автор использует преимущественно лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Лезла из-под земли сыроежка... уже голова ее на свету накрылась красным платочком* [6, т. 5, 364]; *Трясогузка... с передним черным галстучком, в светло-сером, отлично натянутом платьице, живая, насмешливая,* [6, т. 4, 316]; *Волны... в белых шапочках* [6, т. 1, 311]; *Повисла... на одном узеньком ремешке коры* [6, т. 5, 45]; *На елках их обычные побеги-лапки уже вышли из своих оранжевых сорочек* [6, т. 5, 329].

Общеизвестно, что природный мир и человеческая культура в творчестве Пришвина взаимосвязаны, их бытие образует неожиданные оценочно окрашенные параллели, понять и почувствовать которые можно через метафорические образы, основанные на лексемах, наименовующих украшения: *Бархатная роса держится мелким бисером* [6, т. 5, 89]; *Мелким бисером, расстроив свой деловой треугольник, кружились на месте журавли* [6, т. 2, 249]; *Сад черный, но кое-где уже сели на яблони зеленые птички, протянулись от липы к липе зеленые ожерелья* [6, т. 8, 17]; *Целое ожерелье крупных кроваво-красных ягод* [6, т. 5, 240]; *Березовый сок... вытекая из ран, разукрасил все деревцо бриллиантами* [6, т. 8, 388]; *Никогда не забыть мне этого часу, как солнце вышло из тумана и вся орошенная паутина засверкала бриллиантами, жемчугом, и сколько тут было цветов, и какие! Там в жемчужных бусах азалия, там в каких-то алмазных чепчиках саранка и лилия ...* [6, т. 4, 67].

На протяжении всей жизни для Пришвина одной из центральных тем является тема творчества. Писатель разрабатывает собственную онтологию и аксиологию литературного творчества, используя в том числе метафоризацию лексем, связанных с изделиями из ткани и трудом мастериц. Таким образом литературная работа осмысливается как работа женская, изысканная, требующая тонкости, искусности, как, например, работа швеи, вышивальщицы: *Каким терпеливым, чисто женским трудом достается это шитье буквами на бумаге!* [6, т. 8, 185]; *Целый год прошел над поправками, и теперь весь роман мой... покрыт целиком лоскутным одеялом* [6, т. 8, 521]. (Интересно, что, с другой стороны, немало примеров, где Пришвин уподобляет труд писателя тяжелой физической работе, которая привычно воспринимается как однообразная, даже отупляющая, и противопоставляется интеллектуальной (как бы аргюи творческой) деятельности. Причем писатель, как правило, создает развернутую метафору, имплицитно содержащую указание на метафорическое ядро-субстантив (пахарь, молотобоец и др.): *Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пахнут по бумаге, пробивая её, вывертывая на белое черную землю* [6, т. 8, 192]; *«Кашеева цепь»... была мне не по силам... Нужно было с тех пор не пером, а молотом много поработать, чтобы пробить в камне коридор или траншею для продвижения своих героев* [6, т. 8, 543].)

В дневниковых записях Пришвин не только стремится осмыслить природу творчества, но и дает характеристики конкретным представителям современного ему искусства. Размышления об особенностях творческой манеры, стиля, развития таланта зачастую основываются на неожиданном метафорическом образе, который выступает как своеобразный искусствоведческий термин: *Вспомнилось, что два художника,*

Кустодиев и Косенков, могут быть примером выхода из болота в море: Кустодиев выходит в родном сарафане, Коненков больше национален, чем Кустодиев, но с самого начала у него нет следа сарафана [6, т. 8, 599].

Пророчески Пришвин указывал на то, что его дневники, которые он вел большую часть жизни, получат в будущем известность и признание и читателей, и литераторов, и ученых. Свои дневниковые записи писатель метафорически уподобляет обрезкам ткани, при этом авторская легкая самоирония соединяется с пафосом ожидания талантливого человека, готового заняться таким своеобразным «лоскутным шитьем»: *Со временем явится такой удивительный поэт, он все лоскутки мои соберет [6, т. 8, 325].*

Итак, метафорическая система в творчестве Пришвина представляет сложную тропоцентрическую систему отношений между формой и содержанием, преломляющуюся в различных аспектах существования текстов. Артефактная метафорика становится ярким стилистическим инструментом и позволяет писателю объединить различные сферы бытия, зачастую предлагая новые ракурсы рассматривания привычных явлений, в первую очередь природного мира. Репрезентация артефактной метафоры носит синкретический характер, объединяя конкретное и абстрактное, реальное и сказочное, рациональное и иррациональное. В творческом методе Пришвина органично сочетаются философское и эстетическое, концептуальное и языковое начала, а метафора становится одним из важнейших стилистических инструментов, с помощью которого описывается и осмысливается как всеединство живая и неживая природа, человек и социум, материальная и духовная культура.

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
2. Борисова Н.В. Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина. Елец, 2001.
3. Лагута (Алешина) О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003. Ч. 1.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Маковский М.М. Мифопоэтические этюды. Вопросы языкознания. 2007, № 2. С. 35–56.
6. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М., 1983–1984.
7. Святославский А.В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект: монография. М., 2019.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 183–204.
9. Теория метафоры. М, 1990.
10. Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж, 1992.
11. Холодова З.Я. Художественное мышление М.М. Пришвина: Содержание, структура, контекст. Иваново, 2000.
12. Чумаков А.Н. Метафорический образ мира в творчестве М.М. Пришвина. Белгород, 2008.